

Юрий Глина

*Израиль
в сердце моём*

БОСТОН • BOSTON

Юрий Глина *Израиль в сердце моем*
Israel in my heart *by Yuriy Glina*

Печатается в авторской редакции

Copyright © 2008 by Yuriy Glina

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the Publisher and/or the Author.

Library of Congress Control Number: 2007942562

ISBN 978-1-934881-00-2

Иллюстрации: Л. Пастернак, Ю. Глина, Lavi Group.
Дизайн обложки: П. Крайтман
Компьютерная верстка: В. Глина

Published by M•GRAPHICS Publishing
Swampscott, MA 01907
mgraphics@comcast.net
www.mgraphics-publishing.com

Manufactured in the United States of America

*Посвящается
60-й годовщине
со дня образования
государства Израиль*

Трудный путь

*Его борьба веками длится:
Страдания, муки и – победы.
А я лишь выполняю мицву,
Стихами рассказав об этом.*

Путь Моисея

По выжженным пескам безжалостной пустыни
Он вел народ, не обещая благ и роз...
Быть может, в тех местах рождаются хамсины,
Неся песок и зной, и злобный свист угроз.

Но сквозь песчаной бури дикой завыванье
Он сорок лет водил упорно свой народ:
Он видел *верный* путь, он знал свое призванье —
От рабства отрывать его за годом год.

Извечный жаркий спор пророков и народа:
Духовность, вера — и реальной жизни ход —
Ведется столько лет, с времен Исхода,
Хоть не всегда бывает прав пророк — да и народ.

Неправый гнев людей, людское нетерпенье
И ропот, и неверие толпы в него —
Все вынес Моисей, все вытерпел мученья,
Но — нет, не отступил от слова своего.

Их Ягве накормил и утолил их жажду,
Дал Моисею в руки свой волшебный жезл —
Но их же Он заставил тяжко страдать
И искупить вину ценой жестоких жертв.

Разгневан на грехи людей, но все же сжался, —
Хоть помнил про убийства, блуд и грабежи —
Доверил Моисею на своих скрижалях
Те десять заповедей, по которым жить.

И пусть меня простят: не верю я в Мессию —
Сам больше не допустишь рабства, мой народ —
Ведь с давних лет пример пророка Моисея
Твой укрепляет дух и силы придает.

Всю жизнь Моисей мечтал дать людям счастье.
Его завет — народу всей душой служить:
Нет хуже ничего — влечить всю жизнь в рабстве,
Нет лучше ничего — свободным вечно жить!

Мечта о мире и войны тысячелетий

Народ Израиля,
ты знаешь цену миру —
Ты выстрадал и заслужил его,
И все богатства миру, как кумиру,
Все б отдал, не жалея ничего;

Тысячелетия *мечтал* о счастье —
Но много раз *боролся* за него.
С тобою я: ты, презирая казни
И смерть саму, громил своих врагов.

Путь от царя Давида до Бар-Кохбы,
От Маккавеев до последних войн
Я прохожу с тобою, вместе как бы,
Сквозь жар восстаний,
страшных битв огонь —

К истокам государства и культуры,
К ожившему из праха языку,
К незабываемой архитектуре —
К тому, что все народы берегут...

Маневры, стычки, вылазки, охваты,
Тысячелетний путь сражений, битв;
Торжество, побед, трагедий жутких даты —
Все в дар мечте, чтоб жить и быть.

Сам Иерусалим, за ним — Масада,
Сопротивленья дух, побед огонь
И неприступных крепостей осады,
И битвы в поле, и азарт погонь...

От строя пешего до самолетов
И от пращи до танков и ракет,
До спутников, космических полетов —
Везде евреев виден четкий след.

В диаспоре евреев не любили
В тех странах, где приют
 был только дан,
Предметом зависти в которых были —
За трудолюбие и за талант,

За ум, желание помочь в невзгодах,
За вклад в культуру каждой той страны,
Где в тяжкие или в лихие годы
Евреи были жить принуждены...

За все боролся мой народ веками,
Невзгоды, ненависть, хулу терпя, —
И каждый крепостных развалин камень
Мне жжет подошвы, режет кожу пят.

Тебе, наследник горестей и бед,
Тебе, преемник гордости и славы —
Все это вручено навек тебе,
Принадлежа по чести и по праву!

И верится — во тьму тысячелетий
Уйдут все те, кто звали к темноте.
За муки, за страданий долгих плети —
Воздастся миром для твоих детей.

Давид и Голиаф

История все ж учит, и весьма:
Немного значит сила без ума —
Ведь, силу хитроумием поправ,
Всем доказал Давид, что *он*
был прав.

...Но он не кончен до сих пор

История не учит ничему
Тех, кто не хочет или не умеет,
Кто видит вместо света только тьму,
Кого луч света слепит —
но не греет.

Кого совсем не трогают бои,
Победы, поражения и казни,
Кто жизнь прожил в блаженном
забытьи,
Забыв о пытках, лагерях, отказе.

Кто мог переползти, перебежать,
Коль было выгодно или удобно,
Стараясь не заметить рубежа,
Где совесть деформируется, словно

Переходя порой из высших сфер
В разряд весьма приятных
и практичных,
Когда лежать удобно на софе,
О выгодах заботясь больше личных.

И если кто-то ныне вновь считает,
Что жить спокойнее, отдав врагу
Все, что добыто в тяжких испытаньях —
Довериться такому не могу:

Не только что религиям — но людям:
Их мыслям, взглядам, духу, наконец —
Их философии текущих буден,
Движенью чувств, биению сердец...

Мы знаем — корнями силен своими,
Иудаизм не пошел на слом,
И христианство, выросшее в Риме,
С тех пор почти всю Землю обошло.

Мы знаем и другое: фанатизм
Не приводил к добру любой народ.
Пример тому — фашизм, коммунизм —
У некоторых вера в них живет...

Века проплыли, и промчались годы,
Пришли совсем другие времена:
Смотря какая вера — друг народу...
Любая вера *править* не должна!

Дневник в письмах

*Памяти Анны Франк, девочки-подростка,
автора «Убежища» – дневника в письмах,
погибшей в немецком концлагере*

Еврейка Анна Франк, одна из миллионов,
Кто стерт с лица земли, не ведая вины,
Кто тесно побратался с горечью бездонной,
Чьи детские глаза недетских дум полны.
Одним из самых громких документов века
Пришел к нам этот поразительный дневник —
Свидетельство живого чувства человека,
Твоей души пронзительный
предсмертный крик.
Любовь и нежность к людям,
к человеку просто,
Стремление вперед, а не шагки назад,
Наивный облик юной девочки-подростка —
И взрослой женщины
глубокий мудрый взгляд...
И что бы ни было — невзгоды и ненастье —
Тебя поддерживали в жизни вновь и вновь
Мечты о трудном, светлом
материнском счастье
И жажда знаний, и, конечно же, любовь.
Как будто не прошло десятилетий,
Ты в чистом небе до сих пор летишь,
Ты говоришь со мною после смерти —
Открыто и душевно говоришь.

Кем ты ни стала бы, оставшись в жизни, —
Писателем, учителем, врачом —
Тебя я вижу на обложке книжной,
Всех любящей добро и горячо...
Ты стала близкой многим миллионам,
И мы скорбим о тех, кто, как и ты,
Растил — талантливо и упоенно —
И книги, и надежды, и мечты.
Каких талантов мир не досчитался,
Быть может — гениев!.. На много лет
Без миллионов мир людей остался.
Прощенья нелюдям доньне нет!
А если люди — старики и дети —
Лишь просто жили на лице Земли?
За них доньне многие в ответе:
Не защитили их и не спасли...
Средь воя, рева и захлебов лая,
Сквозь нелюдей фашиствующих шум
Вновь девочка-подросток к нам взывает:
Спасайте мир людей, я письма *вам* пишу!

Политкорректность пламенно любя,
Бандитов снова защищают яро,
Не дав евреям защитить себя —
Да, кто-то хочет новых Бабьих Яров.

Пусть в каждом сердце закипает кровь
Героев древней крепости Масада,
Кто тяжкий год держали щит осады
И завещали нам бороться вновь —

Чтоб был обилен стол, надежен кров,
Чтоб не был мир так злобой изувечен,
Чтоб список Шиндлера был
бесконечен,
Как бесконечны вера в жизнь
и любовь.

